

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 94 (4060)

Четверг, 30 июля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

В. Соболева
VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Делегаты Бразилии приветствуют жителей Вены.

ГОРДАЯ ДУША

Илья КОТЕНКО

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

НЕСКОЛЬКО лет назад мне пришлось видеть один зарубежный справочник по мировой статистике. Все в нем было как будто бы нормальным: колонки цифр, таблицы. Но одна диаграмма особенно поразила внимание: взгромоздившись на цифры, шероховатой стояли маленькие человечки. Впрочем, маленькими их можно было назвать только относительно — среди них были и великаны с широкими плечами, и толстенные, улыбающиеся пикники, и тощие, худые гномы, наконец, совсем крохотные, едва приметные, как пегитные единицы.

Я прочел наименования стран, которые представляли эти человечки, и как-то сразу спутались все привычные представления о народах, территориях государств, народонаселении. Самыми маленькими на этой диаграмме были китайцы, русские и индусы; самыми крупными, веселыми и жизнерадостными — немцы из Западной Германии, швейцарцы и уж не помню, кто точно, кажется, монахи. Диаграмма рассказывала... о потреблении сосисок на душу населения во всех странах мира.

Литераторы, экономисты, философы не раз сравнивали государство с многими привидениями для человеческого обхода понятиями, допустим, машиной, семьей и т. д. Мой хороший знакомый, бессменный председатель одного кубанского колхоза, на районной теоретической конференции сказал, что в его представлении государство похоже на «многоотраслевое хозяйство, где все отрасли находятся в соответствии и нужном соотношении». Под отраслями он понимал промышленность, сельское хозяйство, культуру и даже «человеческую душу».

С точки зрения авторов сборника и возможно выстроить страны, государства в шеренгу по росту, исходя из того, сколько производится там сосисок или нейлоновых блузок. Но в каком же критерии зеркала предстает государство при таком статистическом взгляде на мир, без реального учета особенностей, истории, экономики и тенденций развития? Так можно совершенно легко снести с географической карты, например, Финляндию, поставив ее в таблицу производства апельсинов, и уничтожить Гаити, тиснув ее в диаграмму о количестве в разных странах голубых псов.

Представление о странах и народах через предметы потребления и предметы обихода — дело естественное. Стоит сказать, например, кофе, и сразу же безошибочно можем перечислить ряд стран, где он растет. Такие же мгновенные географические ассоциации возникают при упоминании риса, сахарного тростника... И ни один из размышляющих человек никогда не станет упрекать итальянцев за то, что они любят макароны, а вот риса употребляют до безобразия мало.

Я нарочно утверждаю это положение потому, что в момент рождения нового, социалистического мира наш политический противник — мир капитализма, ожиревший и поднакопивший за свою историю немало из одежд и харча, успевший научиться производить (и красть у заискивающих, «слаборазвитых» стран) все эти вещи, превращает их в средства политической борьбы, злобной клеветы, используя как средства давления на экономику и даже психику как своего, так и других народов, хорошо учитывая, что в любой стране, любому человеку присуще элементарное и естественное желание сытно жить и хорошо одеваться.

Но никогда в истории человечества эта диверсия вещей не принимала такого размаха и такой политической остроты, как за последние сорок лет, против нашего государства. Не только по потреблению сосисок, но и в серьезных таблицах мировой статистики по серьезным сравнительным величинам мы стояли на последних местах. Мы мало плавили стали, мало добывали нефти, у нас мало было тракторов и комбайнов, не хватало электроэнергии, низкими были урожаи. И, закосив все это в объективно строгие таблицы, о нас говорили: «Вот смотрите, до чего довели страну». А чтоб закрепить все это в народе, в сердце и душе простого человека, спускали с цепи понятия о житейских необходимых человеку вещах, предметах и продуктах. Все это делалось примитивно просто, по той жалкой схеме, которую говорили такие пропагандисты своему крестьянину: «У нас худо-бедно, все же есть белый хлеб, а вот на Волге голод, целые селения вымирают...». «На тебе косухе ботинки нашей фирмы, а вот русские ходят в лаптях...». «Ты можешь купить у нас своей жене и дочери шерстяное пальто, а посмотри, в каких стеганках ходят советские девушки, стройные Магнитогорск». Вещи атаковали, вещи клеветали, вещи искажали нашу жизнь, рождали неправильное представление о существе нашего строя, нашем характере и облике. И недаром, когда начал рушиться «железный занавес» и простые советские люди увидели простые люди Западу, первой реакцией их было — удивление. Удивление, ибо вещи соврали им, создали о нас неправильное представление.

Мы давно уже прочно заняли первые места по многим видам промышленной продукции. Политические деятели капитализма сами признают, что слышат на своем затылке ровное и спокойное дыхание социалистической экономики; многие страны к нам теперь обращаются за экономической и технической помощью; весь лагерь социализма вступил в соревнование с миром капитализма по производству предметов потребления на душу населения, а пропагандисты западного образа жизни все еще продолжают судорожно отыскивать области человеческого существования, по которым нас можно поставить на последние места в мировых статистических таблицах. Нарисовать маленькими, еле приметными человечками.

А ВСТРАЛИЙЦЫ говорят: самообман подобен бумерангу, — он может поразить того, кто его бросил в другого. Голами буржуазная пресса твердила миру о нашей отсталости, бескультурье и прочих неприятных для них вещах, и вдруг выяснилось, что у нас самый могущественный инженерно-технический корпус, что ученые и инженеры СССР обладают и будут обладать преимущественно, равными два к одному в отношении к Америке. Мы заступили при телелюбовых искусстванных спутника, утверждали на орбите десятую планету Солнца; общепризнаны успехи нашей медицины, просвещения, театрального искусства, спорта. А нас все еще пытаются атаковать со стороны съедобных, носильных и кухонных товаров, пытаются доказать ими преимущества капиталистической системы над системой социалистической.

О награждении поэта Асеева Н. Н. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения Указом Президиума Верховного Совета СССР поэт Асеев Николай Николаевич награжден орденом Трудового Красного Знамени.

циалистический, не желая понять (опять-таки прибегая к успокоительному самообману), что наше государство притупило уже к решению и всех этих житейских вопросов.

Народы нашей страны, как и народы всего мира, знают цену товарам первой необходимости. Лотошники капитализма пересекли океаны и пустыни, пытались за спирт и разноцветные бусы купить свободу народов, политическую и экономическую власть.

С той поры многое в мире изменилось. Выросла культура народов всех стран, их политическая и общественная сознательность, а пропагандисты капиталистического образа жизни с какой-то унылой примитивностью продолжают вводить в бой свои сосисочные и кухонные батери. Меняется только ассортимент товаров — на вооружение взяты и «спеси-колы», и свинная тушенка, и безмерной напропихи чулок, и химическая помада, и телевизионное кухонное устройство.

Но как бы все это ни было любопытно, как бы по-житейски все это ни интересовало любого человека, стратеги и полководцы капиталистического образа жизни безнадежно отстали от человечества: атакуя среднего, простого человека в направлении его желудка, они забыли, что у каждого человека есть душа, та самая душа, о которой говорил мой знакомый, председатель колхоза, рассуждая о том, что такое государство.

О БО ВСЕМ этом думаешь сейчас в связи с открытием в Москве Американской национальной выставки. Советские люди с интересом ожидали этого дня: кому не интересно поглядеть на плоды большого и трудолюбивого народа, нашего друга и союзника против самого большого зла — фашизма? Советские люди могут хорошо ценить плоды прогресса, плоды человеческого ума и человеческих рук. Но как ни хороша была погода, сопутствующая открытию выставки, неприятно и горестно было на душе от одного, как будто бы случайного совпадения.

Выставка открылась как раз в тот момент, когда ее хозяйка в своей стране, в Америке, проводила неделю так называемых «порабощенных» стран. Речь идет о странах социалистического лагеря, «порабощенных» коммунизмом, сиречь, и о нашей стране.

Что же получается? Выходит, от нас ожидают, чтобы мы смотрели на все экспонаты американского мира такими же глазами, какими смотрели в прошлые века островные туземцы на цветные стекляшки бус? Нет! Советские люди — хозяйка своей земли, многое давшие миру, в свете такого «совпадения» по-своему увидят стелды выставки.

Может быть, этому способствовало еще одно, малодоступное обстоятельство, о котором сейчас говорит весь наш советский народ? Речь идет о встрече вице-президента США г-на Никсона на Даниловском рынке в Москве с весовщиком масоконторной станции Василием Ивановичем Смайтиным. Трудно сказать, что двигало высоким американским гостем, но надо было потерять элементарный такт, чтобы прогнать в качестве подарка сторулеву бумажку бывшему солдату, защищавшему свою Родину от фашистов, рабочему человеку, знающему цену своих рук и своей национальной гордости.

Не хочется думать, что с такой же целью в прошлом изображали богатыми «ларам» развернутой свои павильоны Американская выставка. Слишком очевиден будет еще один самообман в списке разоблаченных историй и ценностей «самообманов». Мы по-хозяйски гостеприимны, радушии и по-хозяйски оценим все доброе, что увидим, несмотря ни на какие «недели». Ведь человечеству жить не неделю, а столетия, ведро.

В НАШЕЙ печати было опубликовано заявление бывшего американского рабочего Либера Рикьярдилли, перешедшего в советское подданство. Отец троих детей, он прошел через все, что происходит в своей жизни средней американский гражданин. Работал на авиационном заводе, в годы войны сражался против фашистов, вернувшись домой, организовал небольшое дело по строительству жилых домов, под давлением крупных корпораций прогорел, вынужден был продать даже свой дом и долгое время ситался с толпами безработных, пережил голод, бесприютность, тоску по работе и, наконец, решил покинуть свою родину. Обо всем этом он и рассказывал в своем заявлении. Но есть в его письме строки, которые нельзя читать без волнения: «Я очень хочу работать ради чего-то, во что я верю, успокоиться духовно».

Сколько талантливых произведений мировой литературы посвящено этой вечной теме: человек и государство. До рождения нашего нового мира лучшие умы человечества, гуманисты всегда становились на защиту простого человека, против государственных тенет, в которых всегда бархатился человек — от своего рождения до самой смерти. Этим было вызвано к жизни могучее течение критического реализма, пронесшее на своей стремительной мучительной флоте лучших образцов мировой культуры.

НЕ ТАК ДАВНО, на международной конференции очеркистов в Бухаресте, где присутствовали известные журналисты США, Южной Америки, Франции, Швеции, Канады и многих других стран, мне пришлось рассказывать и о нашем советском очерке, и о темах, вдохновляющих наших очеркистов. Рассказал я в ряду других тем и историю, уже известную нашим читателям, историю двух молодых людей, живших в Шадринске. Они дружили, парень и девушка, может быть, даже любили друг друга. И вот однажды, во время прогулки, парень дал подружке поддержать свой фотоаппарат. В это время неподатливая первая бросилась тушить пожар и на пожарище потерял аппарат. Парень подал суд. Суд присудил вернуть аппарат. Об этом было напечатано письмо однокурников девушки в «Комсомольской правде». И тогда произошло как будто бы неожиданное: в редакцию, в Шадринск, полетели тысячи писем, гневных, строгих, со всех краев нашей земли — из городов и маленьких селений, от рабочих и домохозяек, от военнослужащих и школьников, от колхозников и ученых. В конвертах — рубли, пилтерн в фелд посылки, аппараты «Купи и дай ему его цапку и прекрати с ним дружбу», — писали семиклассники сибирского села. Это был голос людей, знающих цену вещам, но еще лучше знающих цену чистоте человеческих отношений.

Я сообщил об этом случае в ряду многих других подобных фактов нашей советской действительности, как само собой разумеющееся, и признался, был немного ошарашен, когда меня окружили мои коллеги, по-доброму относящиеся к нам, и один бразильский писатель умоляюще попросил: «Ради бога, не пишите вы о том, что у вас где-то там открылся новый кинотеатр, у нас этого не удивляться, а вот то, что вы рассказали, открывает вашу страну перед всем миром».

Мы как-то сами еще не осознаем величия тех преобразований, которые произошли в душе, во взгляде, в морали нашего советского человека, освобожденного от страшного плена земли, вещей, стяжательства и всего того, что объявлялось проклятым понятием «духовного рабства». И может быть, естественно, что сторонний человек увидел это острее и, попав в наше общество, «успокоился духовно».

НЕСКОЛЬКО дней назад мне пришлось присутствовать в городе Калинин Валентина Гаганова. Имя этой молодой женщины, перешедшей на работу в соседнюю отстающую бригаду, стало теперь известно во всех уголках социалистического лагеря, ознаменовало начало нового, присущего только подлинным хозяевам своего государства, патристического движения. Нелегко было ей совершить этот шаг, отрешиться от того, чего она уже достигла. В отстающей бригаде ее ожидали куда более низкая зарплата, беспоконья, хлопоты. А как каждая молодая женщина, она, конечно, мечтала и хорошо одеться, и матери посылать денежные переводы, и обставить новую квартиру, — да мало ли на что нужен в личном хозяйстве каждый лишний рубль. Она прошла сквозь все это, как проходит через огонь гордые и смелые люди во имя большой цели. Я спросил Гаганову, как она решилась на это. И она ответила:

— Ну сколько же можно было терпеть? Девчата в соседней бригаде знакомые, подружки, а все у них как-то не получалось. И кричат они, и завывают мало, нервничают и все наш комбинат назад тянут. А тут есть их бригадирша меня задела: говорит, что ты все указываешь, пруди да сама поработай. Я и пошла.

Не в одном ли ряду стоит это событие с теми многочисленными случаями, когда весь наш народ обрушивается на несправедливость, проявленную в отношении какого-то человека, когда десятки товарищей спасают жизнь друга, когда в затопляемом половедем селе спасают общественное добро, забывая о своей хате.

Их ли пленишь красивыми этикетками, модной кофточкой или оригинальным халатиком? Нет, душа советского человека по-прежнему, видимо, остается загадочной для пропагандистов западного мира, душой гордой и знающей себе цену. А ведь такая душа и должна быть у человека — хозяйина своего государства!

Эта оригинальная идея родилась в институте «Моспроект». Авторы ее — архитектор Е. Смирнов, инженер Е. Каплан, Л. Бренкевич, Б. Шафар. Как же мыслят они делая такие квартиры? С прокатного стана панели (строители их называют «скоруплами») поступают на линию предварительной обработки. Здесь в них просверливаются отверстия, а потом панели, в зависимости от назначения, расходятся по трем автоматическим линиям. Первая из них наклеивает резину на панель — пол, на линию окраски отправляются потолочные и наружная стена, а остальные стены квартиры — на линию наклеивания обоев. Затем все эти детали попадают в цех сборки.

Сначала на сборно-монтажный пост подается плита по-

ПРОВАЛ «АНТИФЕСТИВАЛЬЩИКОВ»

Элизабет МАРК, австрийская журналистка

КОРРЕСПОНДЕНТЫ различных газет и агентств в сообщениях из Вены говорят о самых разнообразных своих переживаниях и чувствах. Здесь радость, восхищение, ликование, здесь и недовольство, «резочарование» тех, чьи надежды на провал всемирной встречи молодежи не сбылись. Я хотела бы добавить к этой гамме чувств еще одно — жалость. Да, мне жаль нелогопателликов ряда западных государств, в первую очередь — Западной Германии. Ведь это из их кармана пошли миллионы марок на субсидирование деятельности всяких «антифестивальных комитетов». И первые четыре дня показали, что деньги эти попросту «плакали».

В самом деле, главарь «антифестивальных комитетов» выдвинул лозунг: «Фестиваль без нас!», то есть без австрийской молодежи. Чепуха! Торжественное шествие на открытие фестиваля замыкали юности в тирольских штатках, ковбойских штанах, девушки в пестрых фартуках, рабочая молодежь в синих блузах. Это были хорошие австрийцы, гордые и смелые, от «антифестивальщики» наказали только самих себя — да еще, повторяю, нелогопателликов.

Вот что сообщает о результатах «антифестивальной» деятельности агентов Франс Пресс: «Организаторы «конترفестивала» сообщают, что 200 юной и девичьи обошли охранные посты и заграждения из колючей проволоки, установленные в районе «железного занавеса» на венгерской границе. Ну, и что же, стали эти девять «противниками коммунизма»? Нет! А почему? Потому, утверждают теперь «западные руководители молодежи», что все эти люди были бы оказались «марксистскими диалектиками», направленными туда «специально для того, чтобы восхвалять коммунизм!» Вот это признание, так признание! Да, ослепились те, кто рассчитывал «открыть глаза» участникам фестиваля...

Важнейшей задачей противников фестиваля был подрыв интернационального сплочения миролюбивой молодежи. В связи с этим мне вспоминается весьма показательный эпизод на открытии фестиваля. По стандарту, едва из «маркфонских ворот» показались первая делегация Албании, прокатился гул недоумения. В самом деле, почему знаменосцы, вопреки всем традициям и правилам, впервые в истории международных встреч несут свернутые знамена? Ошибка, недосмотр? Но вот появляется вторая делегация. И здесь та же картина. Но при взгляде на транспарант с наименованием страны, откуда прибыла делегация, мне все стало ясно: «Алжир». Вспомнил утренний разговор в пресс-центре: австрийское правительство, ссылаясь на протест правительства Франции, просило не разворачивать на территории нейтральной Австрии знамен «независимого правительства» Алжира. Делегатам других стран эта просьба стала известна буквально за пять минут до начала шествия. И тогда все без исключения делегации решили в знак солидарности идти тоже со свернутыми знаменами!

Фестиваль еще «разорочивается». Вперед множество интересных встреч, состязаний, выступлений. В Вена только и разговоров, что о фестивале. И лишь редакции многих венских газет притворяются глухими и слепыми. Они делают вид, что в Вена ничего особенного не происходит. Надо сказать, они избрали лучший для себя выход из неприятного положения. В самом деле, если бы они принялись клеветать, обманывать, они только попали бы в лужу. Позорное фиаско «антифестивальных комитетов» — наглядный тому пример.

Позиция, занятая реакционной печатью, не пользуется в Австрии популярностью. Об этом свидетельствует хотя бы выступление официального представителя правительства д-ра Халупки.

«Австрия всегда считала своей задачей служить миру», — заявил д-р Халупки. — От имени австрийского правительства я желаю вамшему мероприятию большого и широкого успеха».

К этому мнению присоединяется подавляющее большинство австрийцев. ВЕНА, 28 июля. (По телефону)

С ТВОРЧЕСКИМ ОТЧЕТОМ В МОСКВУ

Артисты, писатели, художники, коллективы художественной самодеятельности Карелии готовятся к декаде искусства и литературы в Москве.

Она откроется 21 августа. Москвичи увидят спектакли карельского музыкально-драматического и финского драматического театров.

В декаде примет участие большая группа писателей. Государственное издательство Карельской АССР выпустило в декабре новые книги: роман У. Викстрема «Вперед, народ трудовой!», повесть В. Вабич «Хозяйка леса», повесть Ф. Трофимова «Воз березовых дров», роман А. Тимонена «Родными полями» сборник сказок, книг по литературе и искусству.

«Трибуна жизни»

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ

«ОКТЕБРЕ» № 7 1959 г.

ЧИТАТЕЛИ журнала «Октябрь» не могли не заметить в последних номерах 1957 года появление новой рубрики — «Трибуна жизни».

Признаки жанра этой рубрики не оговорены, однако они легко могут быть выведены из смысла остропроblemной статьи Федора Панферова «Что такое современность?», положившей начало широкой журнальной дискуссии. «Какую же литературу, главным образом роман, в силу ряда новых обстоятельств, требует от нас современный читатель?» — спрашивал автор статьи, а с ним и редакция, приглашая к обсуждению этой проблемы «всех передовых читателей, непосредственных создателей нашей действительности». Предмет дискуссии возник неожиданно — естественно, что она пошла по нескольким руслам: о понятии современности, о моральном облике советского человека, о форме современного романа. В целом же «Трибуна жизни» ставит своей задачей расширить сферу писательского, художественного вмешательства в жизнь. Этого требуют огромные и сложные задачи нашего семилетия.

Участники дискуссии говорят о многом: о работе коммунистических бригад и о том, как трудно бывает перевоспитать товарища, о необходимости капитального труда по марксистской эстетике и о трудном положении, в котором может оказаться самый хозяйственный председатель колхоза, и о подвигах на целине, и о правильном отношении к неработающей жене. Они разоблачают многие нелепости в наших книгах и фильмах, приводят любопытные случаи из своей жизни, из биографий своих знакомых, они говорят о трудном, о сложном, обо всем, что, по их мнению, требует вмешательства литературы.

Дискуссия есть дискуссия, и даже чисто позитивный тон не лишает многие выступления живой внутренней полемичности и страстности мысли. Я имею в виду «Пискать не понаслышке» А. Андреева и «Дальними дорогами» В. Фролова (№ 2), «Герои настоящего» В. Ежова — бригадира с Куйбышеввостройки (№ 3), «Писатель и семилетка» Мариэтты Шагинян — статью в № 5, уже отмечавшуюся «Литературной газетой». «Дмитрий Жуков и миллионы его товарищей» Юр. Константинова (№ 5). Ничто так не делает эти очерки и статьи интересными, как обильно оснащенные собственными живыми наблюдениями размышления о современности. И не только о современности. Для дискуссии о моральном облике советского человека как нельзя более уместен очерк И. Попова «В. И. Ленин в Брюсселе» (№ 3) — прекрасный очерк, который не столько воскрешает полузабытые факты, сколько заново создает облик великого вождя, знакомого и все-таки неожиданный в своей сложности и силе характера.

В последнем, 7-м номере «Октябрь» привлекает внимание статья Юр. Константинова «Труд, конфликт, форма», популяризирующая странную притихи судьбы в раздел «Литературная критика», хотя она никого не критикует и написана словно по заказу за «Трибуны жизни». На этой статье я хочу остановиться особо — и потому, что она кажется мне наиболее значительной среди других публицистических материалов номера, и также потому, что она по-настоящему дискусионна. Юр. Константинов стремится вывести форму современного романа из сложившихся условий бытия, включая и развитие техники, и научную грамотность

Читатель, сейчас пока ни автоматических линий, ни такого хека сборки, о котором говорилось выше, еще нет. Первая блок-квартира, предоставленная на Выставке достижений народного хозяйства СССР, собралась из прокатных панелей арчучино. Но все, о чем мы рассказали, дело самого ближайшего будущего. Скоро в Москве, в 10-м квартале Новых Черемушек начнут строить экспериментальный дом из таких квадратных, будут и трехкомнатные, и даже, возможно, четырехкомнатные квартиры. Для этого завод изготовит отдельные комнаты, которые при монтаже можно приставить к готовой двухкомнатной квартире.

Мечта инженеров становится реальностью.

В. ЛАММ

ЗОДЧЕ МИРА РАСКАЗЫВАЮТ...

В Риге открылась выставка работ участников конгресса Международного союза архитекторов. Большой интерес вызывает труды зодчих Китая, США, Англии, Франции, Польши, Японии, Румынии, Италии. С волевым осматриваются рижане экспонированные на выставке снимки застройки городов — жертвы войны и агрессии: Ковенгри, Хиросима, Порт-Саид.

На выставке представлены проекты застройки и снимки новых кварталов Киева, Мяска, Сталинограда.

Квартира... на конвейере

Эта оригинальная идея родилась в институте «Моспроект». Авторы ее — архитектор Е. Смирнов, инженер Е. Каплан, Л. Бренкевич, Б. Шафар. Как же мыслят они делая такие квартиры? С прокатного стана панели (строители их называют «скоруплами») поступают на линию предварительной обработки. Здесь в них просверливаются отверстия, а потом панели, в зависимости от назначения, расходятся по трем автоматическим линиям. Первая из них наклеивает резину на панель — пол, на линию окраски отправляются потолочные и наружная стена, а остальные стены квартиры — на линию наклеивания обоев. Затем все эти детали попадают в цех сборки.

Сначала на сборно-монтажный пост подается плита по-

Правда, сейчас пока ни автоматических линий, ни такого хека сборки, о котором говорилось выше, еще нет. Первая блок-квартира, предоставленная на Выставке достижений народного хозяйства СССР, собралась из прокатных панелей арчучино. Но все, о чем мы рассказали, дело самого ближайшего будущего. Скоро в Москве, в 10-м квартале Новых Черемушек начнут строить экспериментальный дом из таких квадратных, будут и трехкомнатные, и даже, возможно, четырехкомнатные квартиры. Для этого завод изготовит отдельные комнаты, которые при монтаже можно приставить к готовой двухкомнатной квартире.

Мечта инженеров становится реальностью.

В. ЛАММ

За хвостом старой клячи

КОГДА после неумолимого, олушачего грохота автоматов ткацкого цеха подходить к этому бесшумно, легко, ровно, быстро, с несравненно более высокой производительностью, кажется, что сразу шагаешь от старта семилетки к ее финишу. Такое ощущение испытал на Монинском текстильном комбинате, наблюдая за работой бесчелночного ткацкого станка, делающего реорендо — 270 в минуту — число оборотов.

В Мониню я попал случайно. Знакомый текстильщик, почти сорок лет отдавший ткацкому производству, узнав, что я собираюсь на Климовский завод, угораздило меня сначала «посмотреть в завулгарную ленту», а потом окунуться в «текущую воду» — предложить совместно совершить «поиску в будущее».

— Думаешь, это чудо двадцатого века, ракета в ткацкий космос? — говорил мне на обратном пути этот инженер. — Нет, это первый робкий шаг новой техники в область, которую она всегда обходила. Этот станок — трамплин для прыжка к совсем другим скоростям, к иной технологии, к новым методам выработки тканей.

— Вы считаете, что челночные станки — это уже техника прошлого? — И сегодняшнее, частично завтрашнее же, — не задумываясь, ответил мой собеседник. — Нет, челночные станки, которые, повиснув на шею техники ткачества, тормозили ее более двух веков, не позволяя рвануться вперед. Когда же его медленно склонили, перед нами распростились совсем другие горизонты.

Мой собеседник — человек увлеченный, но не мыслит он, бесспорно, правдиво и умеет заглядывать в будущее. Видно, челночные автоматы еще не скоро перестанут быть ведущими в ткацком оборудовании. Но будущее не за ними... Это подтверждает и зарубежная практика. Почти два десятилетия большое конструкторское бюро создавало в Швейцарии бесчелночные, так называемые зальерские станки. Теперь их производят заводы Швейцарии и США. Большого успеха добились чехословацкие конструкторы, создавшие еще в 1955 году пневматический ткацкий станок с удвоенной по сравнению с лучшими челночными автоматами производительностью.

Есть у нас бесчелночные станки. Многолетние труды одиночек — конструкторов Титова, Полежаева, Кочина — принесли первые плоды. В лаборатории Научно-исследовательского института текстильного машиностроения можно познакомиться и с летящим бесшумным станком системы Титова — компактным, легким, удобным для эксплуатации, и с круглым автоматом Полежаева, успешно решающим ряд сложных проблем. Но оба они далеко не совершенны и могут рассматриваться только как обещающие заявки.

Кстати, в планах самого института тема бесчелночного отака оказалась отодвинутой на третий план.

А в промышленности?

ЧЕРЕЗ ДЕНЬ я был на Климовском машиностроительном заводе. Это монополюсильный производитель ткацкого оборудования. Его станки определяют технический уровень всех отраслей текстильной промышленности — хлопчатобумажной, шерстяной, льняной, шелковой, стекловолоконной и др.

От проходных ворот зеленая аллея ведет к заводоуправлению. По бокам аллеи — цитаты, пропагандирующие цифры семилетнего плана. Один из них рассказывает, что производство основных видов тканей в стране возрастет с 7,4 миллиарда метров в 1958 году до 10,3—10,6 миллиарда в 1965 году.

Гагаитский рост! Он требует новой технической базы текстильного производства: в ткацких цехах и предприятиях, где заняты почти половина текстильных цехов, уровень автоматизации должен возрасти почти вдвое.

Эти цифры, из которых надо исходить при планировании развития текстильного машиностроения, техническое лицо его предприятия.

Начальник планового отдела С. Шафчик разворачивает семилетний план развития Климовского завода. Заглядываем в графы 1965 года. Выпуск ткацких автоматов к этому времени удвоится. Если учесть, что за последние годы завод уже утроил их производство, показатель выглядит совсем неплохим.

В ВОЗДУШНОМ ОКЕАНЕ

СЕРЕБРИСТЫЕ «ТУ-104» мчатся над Иркутском и словно вонзается в горизонт гигантский стреловидный курс. Москва, Пекин, Пхеньян. Аэропорт города многоэтажный, китайская речь привычна здесь, как русская, часто звучит и английская, французская... Из Парижа через Иркутск летят в Пекин и Гонконг.

Борозды молодые геологи с Чукотки на высоте десяти километров пьют черный кофе на голубоватых чашечках «Интуриста».

Роза воздушных путей Иркутска раскинула свои румбы на все четыре стороны света. Трассы сложные, вне класса — над снежными хребтами, полуостровами, тундрой, таежным безлюдьем. Какой-нибудь тысячекilометровый перелет в Красноярск считается второстепенным, местным рейсом. Реактивные лайнеры отлично прижились в Сибири — им по душе ее просторы и темпы. В стремительно броске Иркутск — Москва «ТУ-104» только на один час отстают от солнца: вылететь в четыре по местному времени, а в пять по московскому уже дома. Этой осенью на иркутских трассах появятся соперники «ТУ-104» — турбовинтовые многоместные «АН-10».

В советской авиации Иркутск слывет городом миллионеров: в местных подразделениях ГВФ служат сотни летчиков, налетающих от одного до пяти миллионов километров.

А пять миллионов — это 125 витков вокруг Земли. Стаж, порядочный даже для летчика.

Редкий обитель недавно отметил иркутский пилот И. Колмаков. Он служит в авиации 25 лет, добывает свой пятый миллион. Он обладает совершенно новым, еще редким для человека чувством реальных физических масштабов Земли. Мне кажется, он видит кризис земного шара между Уралом и Камчаткой, — для него это не просто поэтически бескрайнее пространство Сибири, а математически точное пространственное размещение рек, городов, железных дорог, аэродромов. Расстояние между Обью и Ангарой он видит с такой же отчетливостью, с какой можно представить тысячу раз пройденный путь между квартирой и ближайшей булочной.

И спросил И. Колмакова, не было ли у него приключений в воздухе. Подумаю, пилот ответил, что лет шесть назад его эскадрилья влетела в грозовое облако.

И все?

Замполит В. Гориню заметил: — У нас героика, в том смысле как вы спрашиваете, — это уже ЧП. Мы — за буми, пусть даже немного скуповатым. Валетел, прилетел, сел. Материальная часть в исправности, пассажиры спокойны, план выполнен. Другой наш пилот, Михаил Инокентьевич Травинок летает четвертый миллион километров без единого происшествия в воздухе. Вот это и есть наш герой!

Прохожу объект воздушный океан Сибири. Человек привыкает даже к синеватой стратосферной выси. Возникает новая романтика — таинственный космос.

То сегодня герой воздушного океана! Пилот, летящий не только выше, дальше, быстрее всех, но и дешевле всех! С появлением серийных «ТУ» в воздухе окончательно утвердился экономический закон массового, серийного, конвейерного производства. Лайнер «ТУ-104» — это не «У-2», нетерпеливо тархачающий над пыльным проселком с одиночками пилотами. Каждый рейс лайнера с Дальнего Востока в Москву — сложнейшая технико-экономическая операция. Она складывается из многих постоянных и меняющихся компонентов: от зарплаты экипажу и качества горючего до силы ветра и высоты облачности. Минута эксплуатации «ТУ» стоит сотни рублей.

По точности — и, следовательно, по экономичности — полет «ТУ» с его новейшими навигационными приборами приближается к ракете, управляемой радиолучем. Это высший класс авиации. Малейшее отклонение от идеальной прямой обходится дорого. Если пилот «ТУ-104» «промахнется» на посадке, уклонится на несколько метров в сторону и не выйдет точно на геометрический центр бетонной дорожки на точно заданной высоте, ему придется уйти на второй круг. А это — десяток минут в воздухе и лишние тысячи рублей. Это то самое ЧП, о котором потом долго говорят в штабах и на совещаниях.

Арифмометр, ставший важной персоной в гражданской авиации, подсчитал, что героику воздушного океана СССР являются иркутские летчики, летящие на «ТУ-104» (командир подразделения Василий Яковлевич Филимонов). Они заняли первое место в стране по итогам 1958 года.

Работая без происшествий в воздухе, авиаторы снизили себестоимость полетов на 41 копейку на каждый километр. Миллионеры берегут копейку! На миллионы километров они экономят 400 тысяч рублей. Они летают точнее, быстрее, безопаснее и дешевле всех!

41 копейка экономии! И эти «копейки» говорят о высоком человеческом мужестве, о воле, отваге и мастерстве замечательных людей, ведущих свои реактивные корабли в воздушном океане Сибири.

ИРКУТСК

На снимке: группа иркутских летчиков-миллионеров.

Фото М. Трахмана

Застенчивые атеисты

НА СТРАНИЦАХ писательской газеты мне хотелось бы поговорить о сложном, по-моему, каноническом несоответствии между антирелигиозными пропагандными и антирелигиозной пропаганды. Представители церкви, различные сектанты без зазрения совести лезут в свои сети советских граждан, подчас отравляя ядом мракобесия неустойчивых молодых людей. При этом «святые отцы» ничуть не заботятся о том, что они нарушают нашу конституцию, посягают на свободу совести, навязывая то или иное вероисповедание. За последнее время в печати были опубликованы статьи, раскрывающие «пропагандистскую деятельность» сектантов. Диву даешься, с какой настойчивостью и наглостью действуют те же негодяи, совмещающие шпионаж с пропагандой мракобесия.

А вот когда предпринимаются меры по усилению антирелигиозной пропаганды, приходится оглядываться, остерегаться не посягать ли ты на свободу совести гражданина. Нельзя оскорблять чувства верующего человека. Это бесспорно. Но не слишком ли расширительно понимают наши атеисты эту заповедь!

Неужели следует стоять слова руги и спокойно смотреть, как молодых советских граждан отравляют ядом религиозного дурмана. Мне это не понятно. Почему мы должны, разговаривая о религии, проявлять такую «застенчивость», которая только на руку всяким негодяям?

Писатели об этом забываются. За последние годы, кроме «Чудотворной», я не встречал произведений, связанных с вопросами антирелигиозной пропаганды. И уж, можно сказать, совсем забыли об этом поэты. Создается впечатление, что биография антирелигиозной поэзии кончается на той самой дате, на которой кончилась биография Демьяна Бедного.

А. ПЛЯХИН, редактор районной газеты с. БЕЛОЗЕРСКОЕ, Курганская обл.

ТВОРЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЛЮДЕЙ И ВРЕМЕН

ОДНИМ из тех высоких идейно-художественных требований, которые критика, думается, обязана предъявлять — в особенности теперь, после III съезда писателей, — к нашей литературе, является изображение советского человека во всем подлинном богатстве его исторических, жизненных и духовных связей. Это необходимое условие для того, чтобы литература смогла, как говорил Н. С. Хрущев в своей речи на съезде писателей, «удачнее показывать человека — создателя всех материальных и духовных ценностей нашего общества».

К новым качествам советских людей, качествам, проявляющимся постепенно и быть может, именно поэтому ставшим привычными, хотя они, конечно, необыкновенны, принадлежит осознанное и повседневное ощущение себя участниками всемирно-исторического поступательного движения к коммунизму. Прошлому не известен массовый тип людей, которые так сознательно и ясно видели бы свое место в истории и так пронзительно смотрели бы в свое будущее; такие люди имеют право на изображение их в перспективе, уходящей в «самое хорошее далеко» (А. Гайдар).

Сладкое, потеплелое чувство застенчивости мигает сердце нашего человека, всматривающегося в необозримые просторы коммунистического завтра, и вместе с тем он «по чертежам», если использовать выражение Маяковского, «деловито и сухо» сам строит этот завтрашний мир, давая волю гневу, юмору и насмешке по адресу тех недостатков, которые замедляют это движение вперед.

Почти сто лет назад Чернышевский призвал приближать будущее, перенести «из него в настоящее, сколько можете перенести».

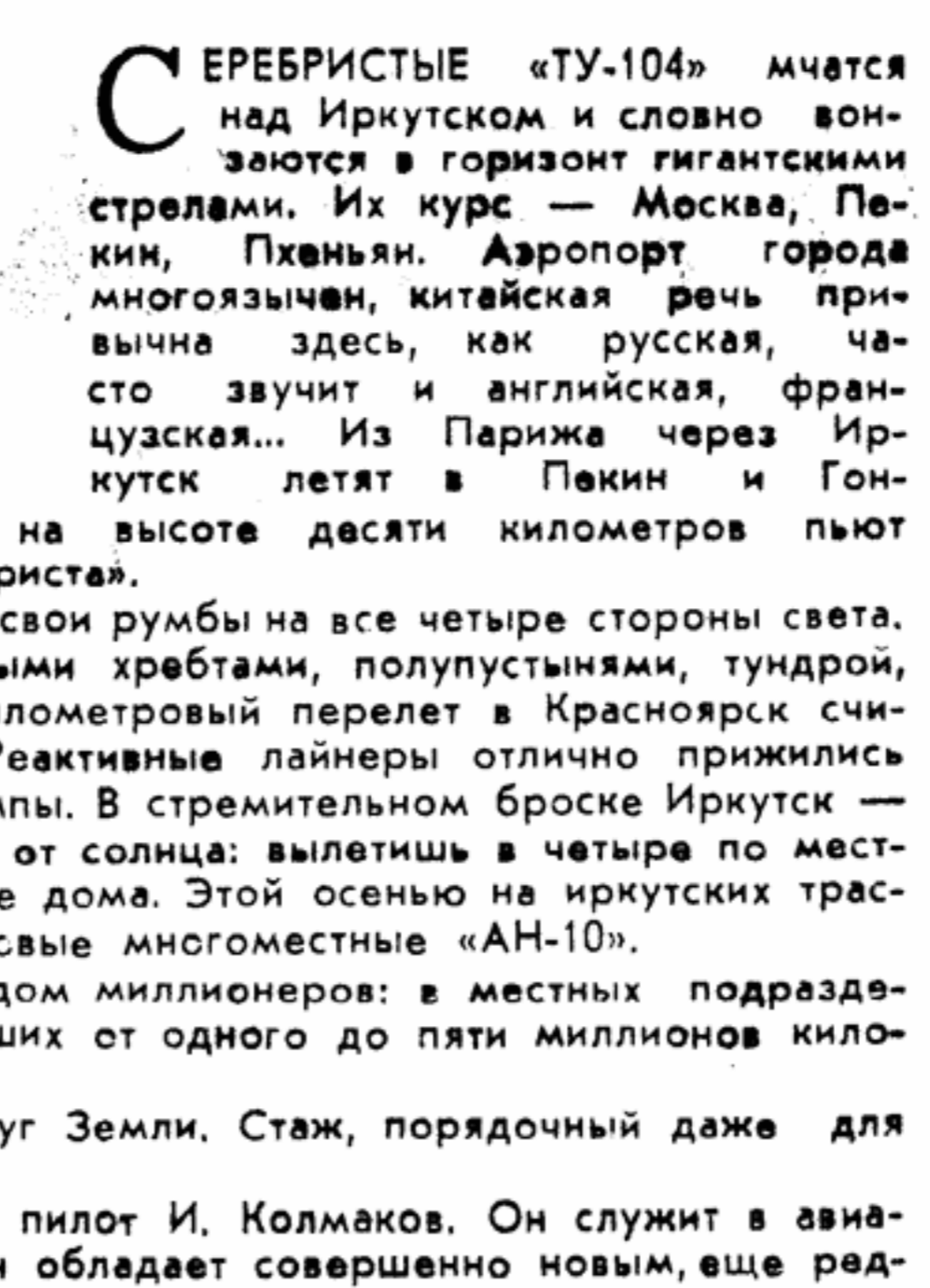
Чернышевский обращался тогда к еще очень узкому кругу передовой интеллигенции. Теперь так живет, приближая будущее, весь наш народ. Люди оценивают и понимают, а для этого нужна политическая сознательность и воспитанность — нужна партийность. Советский человек умеет ясно различать те сложные, многоступенчатые и порой совсем не прямые переходы, которые ведут от мысли и чувств, внешне даже как будто «нейтральных», к тем или иным идейно-политическим позициям.

Советский человек превосходит умел общими. Как говорил Н. С. Хрущев, творцами революционной теории общественного развития, «участниками в утверждении этой теории на практике, в развитии теоретической мысли стали массы труженники социалистического общества, которые участвуют в самом благородном деле — строительстве коммунизма».

Все это свидетельствует о том, как важно, изображая советского человека, показывать его как в прямых, так и в сложной опосредствованных связях с историей, с обществом, с другими людьми. Подлинная атмосфера советской литературы — это богатая и интересная, умная и страстная социалистическая жизнь, где каждый единичный факт может быть глубоко понят только в своем развитии и противоречиях в связи с целью жизненным и духовным укладом, с политическими сдвигами, с характерными для нашей эпохи идеями, с различными пластами действительности.

Между тем нередко бывает так (настолько нередко, что даже как-то редко и не очень справедливо называть одного какого-нибудь «виновника», ибо выбор последнего неизбежно будет произволен), что читая повесть или рассказ, испытываешь тоскливое чувство, будто находишься в душном помещении при проведении хозяйственной инвентаризации...

Перечисляются и описываются внешние и внутренние достоинства и недостатки героев, их одежде, движениях, мысли, прическа, чувства, мебель, книги, люди, полагается термометр, восторг, удушье, полза по которым им приходится проходить, товарищи по работе, родственники и т. д. и т. п. Но куда бы ни шли эти «герои» за писателем-поводырем, им не выбраться на свежий воздух... Облако скуки и пыля преследует их.

Молодость побеждает молодость

ЗАМЕТКИ БОЛЕЛЬЩИКА

Недавно в Ленинграде закончилась Вторая спартакиада народов Российской Федерации. Вторая спартакиада народов СССР открылась в Москве в начале августа. Мы публикуем впечатления молодого ленинградского писателя Ю. Томина о прошедших соревнованиях.

ЛЕНИНГРАД. Июль 1959 года. По улицам ползут автобусы с незакрытыми дверцами, с грозными больничными надписями на подножках. В трамваях, направляющихся к стадиону, душно, как в кинотеатрах повторного фильма.

Так было в недавние дни, во время Второй спартакиады народов Российской Федерации. Гости отдали лучшие стадионы, площадки, залы, общежития, кафе, обязательна двухсторонняя мытьем — условия, вы нам — достижения.

Итак, о достижениях. Чемпионами-коллективами и чемпионами-одиночками приходилось туго. Одиночки легко проигрывали. Коллективными справились было, конечно, труднее. Но и к ним постепенно подтягиваются и подтягиваются спортсмены из «неспортивных» в прошлом районов. С особенным удовольствием встречали на спартакиаде представителей Норильска, Ангарска, Иркутска. Ведь массовость — это не только количество, массовость — это и география.

Рекорд не рождается на пустом месте. Сколькоклетчатая борьба, сколькоклетчатая борьба в глазах есть «что-то такое...» И все, как говорится, кончается всеобщим благополучием.

Но на самом деле мастера забывают смотреть в глаза юности, едят больше 1400 мастеров спорта. Сколько из них спешит над рабочими, сельскими, школьными коллективами? Много ли спортивных коллективов, где такое шествие — традиция? Мало, очень мало. И получается: прожегал — мастер, в сборную попал — мастер. Но мастер без учеников. А ведь прежде, чем он «прожегал» или «попал», рядом с ним годами шли люди, которые помогали, учили, исправляли его ошибки. Так пусть же отстант от молодежи хоть часть того, что сам получил от своих учителей.

И последнее. Спорт у нас массовый. Миллионы, Ленинград

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

На огромной территории Главного ботанического сада Академии наук СССР собрано около 400 тысяч растений 11 тысяч наименований. Это флора нашей Родины и многих других стран мира.

Коллекция крупнейшего в стране ботанического сада используются для исследований большого государственного значения, научно-просветительных и учебных целей. Здесь изучаются методы акклиматизации растений, отбираются наиболее продуктивные сорта для различных отраслей народного хозяйства и декоративного садоводства. Ботанический сад поддерживает связи с 69 странами мира.

Позавчера состоялось торжественное открытие сада.

НА СНИМКЕ: младший научный сотрудник Ботанического сада Т. Петровская с дочкой в розарии.

Фото А. Сухомлинова

Порой автор, держа за хорошо заметные нити, сталкивает свои персонажи лбами, но, в сущности, каждый из них мог бы (даже декларируя громкие слова) прозвонить сам по себе, невнятно бороча что-то под нос и не глядя на другого... Все воспринимается здесь протокольно, описательно, «буквально». Происходящее не овеяно острой мыслью и горячим чувством...

ПО СЛОВАМ Льва Толстого, «каждое художественное слово... тем-то и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений».

В наше время возможности художественного образа, с точки зрения его емкости и насыщенности, особенно велики, ибо творческая связь миллионов людей с миром стала более многосторонней, прямой, богатой и осознанной, чем когда-либо раньше.

Образ должен вызывать гудок «эхо» все более отдаленный звук которого говорил бы о том, как далеко способна проникнуть художественная мысль, в этом образе воплощенная. М. Пришвин был прав, записывая в свой дневник, что «нет на свете ничего такого отдельного, чтобы повсюду, на своем собственном языке не говорило бы об одном каком-то едином вопросе современности».

Советская литература в лучших своих произведениях уже давно необычайно чутка к этому ощущению всеобщей связи фактов и явлений (пусть даже «малых» и скромных) нашей жизни, воплощенных в бурный исторический поток движения к будущему.

Вспомним Аркадия Гайдара, одного из величайших новаторов литературы, а значение творчества которого для развития ее в целом (а не только «детской», юношеской») еще, думается, не оценено в достаточной степени. Гайдар обладал удивительным даром — большие сложные и канонические вопросы социалистической действительности поэтически осмысливать в их самых несекретных, но восхищающих всем обаянием нормального советского детства проявлениях.

Самое обычное и будничное озарилось у Гайдара детской непосредственностью восприятия, рождающей, однако, что очень важно, не только поэти-

которые смотрят на нас из-под заголовков «Только цифры...», каждый раз удивляют и радуют заново. Эти цифры — зорность, сила, долготелее всего народа. Это пустые болельничьи койки и труппы победы. Миллионы тех, кто впервые, может быть, увлекся спортом — вот главный результат спартакиады.

Но есть цифры, которые не радуют. Свыше 18 миллионов спортсменов участвовало в спартакиаде по всей территории России... Из них на селе — полтора миллиона.

Более 14,5 тысяч участвовало в зональных соревнованиях. Из них сельских спортсменов, и только по четырнадцати видам спорта, — около пятисот человек... Это в стране, где на селе живет больше, чем в городах. Вот где нетронутая цельность!

И по этому поводу существует вариант, скажем, таежно-романтичный: бежала деревенская девушка в школу за 20 километров, да и стала потом чемпионом Европы по лыжам. Но школы-то в стране растут, как грибы. Как же в таком случае деревенская девушка стать чемпионом, если теперь надо бежать в школу не двадцать километров, а пройтись, ну, скажем, пятьсот — шестсот метров? Самое разумное, что бы она бежала на стадионе, и не обязательно на каком-нибудь железобетонном, а обычном, построенном своими силами, — дорожка, сектора, можно без трибуны и ресторана. Не справится молодежь одного колхоза, можно объединиться трем-четырем. И да помогут сельской молодежи в этом инструкторы — «штатники», инструкторы-общественники, которых надо готовить у себя дома, помогать тренерам и спортсменам районных и областных центров и сам Совет спортивных обществ. Целую пору поднимать!

Вот какие мысли возникают у болельщика после спартакиады. Даже не мысли — впечатления. И, конечно, весьма личные.

Ю. ТОМИН

ЛЕНИНГРАД

ПОРЫ АТОМОВ

Порой автор, держа за хорошо заметные нити, сталкивает свои персонажи лбами, но, в сущности, каждый из них мог бы (даже декларируя громкие слова) прозвонить сам по себе, невнятно бороча что-то под нос и не глядя на другого... Все воспринимается здесь протокольно, описательно, «буквально». Происходящее не овеяно острой мыслью и горячим чувством...

ПО СЛОВАМ Льва Толстого, «каждое художественное слово... тем-то и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений».

В наше время возможности художественного образа, с точки зрения его емкости и насыщенности, особенно велики, ибо творческая связь миллионов людей с миром стала более многосторонней, прямой, богатой и осознанной, чем когда-либо раньше.

Образ должен вызывать гудок «эхо» все более отдаленный звук которого говорил бы о том, как далеко способна проникнуть художественная мысль, в этом образе воплощенная. М. Пришвин был прав, записывая в свой дневник, что «нет на свете ничего такого отдельного, чтобы повсюду, на своем собственном языке не говорило бы об одном каком-то едином вопросе современности».

Советская литература в лучших своих произведениях уже давно необычайно чутка к этому ощущению всеобщей связи фактов и явлений (пусть даже «малых» и скромных) нашей жизни, воплощенных в бурный исторический поток движения к будущему.

Вспомним Аркадия Гайдара, одного из величайших новаторов литературы, а значение творчества которого для развития ее в целом (а не только «детской», юношеской») еще, думается, не оценено в достаточной степени. Гайдар обладал удивительным даром — большие сложные и канонические вопросы социалистической действительности поэтически осмысливать в их самых несекретных, но восхищающих всем обаянием нормального советского детства проявлениях.

Самое обычное и будничное озарилось у Гайдара детской непосредственностью восприятия, рождающей, однако, что очень важно, не только поэти-

ское чувство, но и глубокую мысль, ведущую к большим обобщениям.

Быть может, особенно поражают нас это «чудо» в «Голубой чашке». Изложив этот рассказ, сверкающий драгоценными камнями истинной поэтичностью, едва ли возможно, несмотря на кажущуюся простоту темы и фабулы.

Как будто здесь речь идет всего-навсего о прогулке отца и его маленькой дочки. Но свежест, непосредственность и чуткость их переживания и мысли тамовы, что вокруг этого как будто «малого» перед нами разрабатывается целый большой чудесный и новый художественный мир, где неожиданно получают отклик многие глубоко волнующие нас вопросы, где ярко проявляются такие чувства, как патриотизм и интернационализм.

Созданные здесь образы тонких душевных движений и, казалось бы, столь обычных жизненных обгорчений и радостей рождают мудрую и поэтическую мысль, высоко поднимающую над непосредственно изображаемым. Подетский беззаветное стремление к неведомым дальям, к «самому хорошему далеко» выступает здесь в тесном, но отнюдь не идиллическом, а обладающем своими внутренними противоречиями единстве с сознанием того, что в нашем обществе, вокруг нас — уже «жизнь... совсем другая». И это ощущение, в подлинном и высшем смысле этого слова, среди самого близкого и родного, не ослабляет влечение к мечте, зовущей вдалеке, а, наоборот, создает крепкую духовную основу для изыскания путей достижения этого «далеко». Именно поэтому «самое хорошее далеко» оказывается не утопией, а реальностью.

Нетрудно заметить, что такое, рожденное социалистической действительностью чувство взаимопонимания настоящего и будущего отражает реальные качественные новаторские особенности социалистического реализма.

БОЛЬШОЕ достоинство «Третьей патетической» П. Подлинная — мы имеем в виду и певучую редакцию пьесы и постановку. Художественного театра — заключается в том, что здесь наши конкретные воплощение многообразные связи людей с историей, с миром, с различными жизненными напластоунами.

Из пьесы, из образа, созданного В. Смирновым, из постановки М. Кедрова можно, думается, сделать такую вывод: героический характер лишь тот

РАЗДУМЬЯ НАД РУКОПИСЬЮ

14 ИЮЛЯ «Литературная газета» опубликовала статью писателя Георгия Гуля «Личное мнение»...

На моем столе, кроме листа бумаги, на котором я пишу эти строки, лежат рукописи неоконченного романа, лежат книги, свежие журналы и газеты...

Хорошо, что Вы решили прежде всего поговорить о таланте. У нас нередко употребляют это слово в речах и статьях...

Да, Вы правы — критик не может, не имея права обходить молчанием вопрос о таланте. Если он молча отвечает на этот главный вопрос...

Теперь — о других ваших рассуждениях. Некоторые из них, скажу сразу, вызывают возражения. Не будем спорить: многословие — порок. С ним необходимо бороться...

Мне приходится на память высказывание И. Эрехтота об архитектонике современного романа, приведенное недавно на страницах «Литературной газеты»...

Н. Погодин великолепно сумел показать это значение того, что под влиянием встречи с Ирочкой Володя стал раздумывать о себе: «раздумье — тоже поступок»...

В «Третьей патетической» ленинские мысли о воспитании человека, народа в ходе социалистической революции...

Конечно, еще рано оценивать повесть Н. Погодина «Янтарное ожерелье», ряд глав которой недавно появился в «Комсомольской правде»...

А когда Володя раздумывает об Ирочке и о себе, то он, хотя без тол — относительной, конечно, — вышелектонности ума и определенности формулировок...

Ирина ШЕГОВА

ОБЛАКА

Помню, с самого детства. — Да, с самого детства! — Я часами на них не могла наглядеться. Помню, сосны топили в торжественной сини, и полами облака от вершины к вершине. Облака... А потом я любила просторы — Тушишь, как белые древние горы, как седые валы, как сухие барханы, Облака, как бредущие вьюсы караваны. Облака... А теперь и без них столько дела — Не поднять головы! Я давно не глядела в это море Покая, раздумный, открытый, В неоглядное, доброе Небо дневное... Подождите, Минуту одну подождите — Я смотрю, Как плывут облака надо мною!

Степан Казанец — Н. О. Гриценко, Павлина Хуторная Фото В. Мстислюва

ВЕСЕЛЫЙ ВОЗДУХ КОМЕДИИ

НЕБО В ЭТОМ спектакле цвета синьки, той самой синьки, какой заботливые хозяйки на Кубани обводят окна своих домиков. И облака — белые, как сами домики... «Воздух у нас, мама, подходящий...» — говорит одна из героинь комедии А. Софронова «Стряпуха»...

Ситуация старая. Но в характерах героев угаданы живые черты наших современников. И оттого известные сценические положения обретают в «Стряпухе» совсем иной, новый смысл.

«В доброе старое время» такие мамы, как Дарья Архиповна Сахно, заманивали, опытали, зазывали женихов. А теперь и жених обло дощ, как привязанный, а поди ж ты, вылез замуж Галину Сахно, передовую бригадиршу...

«Что такое любовь? Это — гордость! Идиллическая повесть писала одна: «Я живу без тебя — я живу для тебя»... И много надо, кубанской колхознице Павлине, читающей стихи илгийской поэтессы. И жизни, и любви, и счастья — полной мерой. А разве не так же каждому советскому человеку?

Легким и лукавым тоном, без правдоулений и нарочитых акцентов, комедия рассказывает о красоте и поэзии, колхозницкого памятника, не могло не казаться смешным. Наконец, Печухина с ее практицизмом домохозяйки, вероятно, получила что-то неладное, противоречие здравому смыслу в увлечении мужа персональным надгробным памятником...

Зародившись всех этих связей и взаимоотношений в пьесе, несомненно, налицо, но они не реализованы. Поэтому и получился так, что ряд персонажей комедии играет не столько между собой, сколько каждый из них с... памятником. Но тем самым последнему присваиваются функции, которые ему «неудовольственным телу» не под силу. Памятник, подобно машине времени в «Бане», должен освещать действующих лиц, но не оказывается при этом на авансцене, на равных правах с ними, что только отяжеляет пьесу.

Словом, и в сатире по-прежнему стоит вопрос о воплощении характеров в подлинной сложности их жизненных связей и взаимоотношений. И если бы действующие лица «Памятника себе...», разоблачая друг друга, защищаясь бы вместе с тем «философией» того варианта мещанства, который каждый из них представляет (сейчас только сам Печухин отчасти склонен к этому), они и сатирические обобщения, и положительные устремления приобрели бы в комедии большой размах.

В ПРИБЕЖИИ ЦК КПСС Третьему съезду писателей СССР сказано, что «народу нужна литература, которая воспитывает и учит человека правдой и красотой художественных образов, духовно обогащает его, расширяет его кругозор, раскрывает рост сознательности людей в процессе коммунистического строительства»... Многообразны пути и средства, ведущие к осуществлению этой большой задачи, и думается, освещение их на конкретном литературном материале — непреходящая задача литературной критики. Здесь же нам хотелось бы обратить внимание только на то, как важно такое художественное воплощение образов советских людей во всех связях их судеб, поступков, взглядов и исканий с различными сторонами практики и сознания нашего общества, которое рождает тот поэтический «сон видений и идей» (Маяковский), что властно зовет вперед.

Мне снился сон: под звездной рбью, Как в поле крест, стою одна я И проливаю долю бабью. За все ж живу проклиною. За тех, кто плачет ночь в обиде, За тех, кто в крик кричит, роясь, За тех, кто слез своих не видит, В дороге миль провожая, За стертых на кухне, За удаляющих до срока, За тех, пред кем в размаху рхнет Десячких снов дворец высокий. За молчаливых и ворчливых, Земных забот хлебнувших вволю, За несчастливых и счастливых Я проклиною бабью долю. За всех, рожденных с искрой божьей, Чтб век тянуть упряжку рабью, За всех, кто мог бы — да не сможет, Я проклиною долю бабью... Проснулась я от плача дочки, Вставало солнце в чистом небе, Благоговяла мой бесщербный, Мой трудный, мой прекрасный жребий.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

В ЛИТЕРАТУРНОМ институте имени Горького шла беседа с стихов нашего однокурсника — туркменского поэта. Он представил стихи, переведенные на русский язык. Права скажем, неважные стихи. Их ругали дружно и подробно. Ругали все, кроме автора и переводчика (он тоже был участником нашего семинара)...

«Талантливость поэта — это способность, к сожалению, побежденная беспощадностью переводчика. И могут спросить: «Талантливость поэта? Ну, а это вы чем докажете?» Как я нашел оному доказательства, скажу ниже. Частично же нашел и в поэме «Путь ввысь»... Это маленькая поэма о большой человеческой жизни. Поэма о мальчишке, который на своих плечах испытал, что такое старый мир. О мальчишке, который в то время —

РЕПЛИКИ К АНИКУЛЫ?

ПРЕДСТАВЬТЕ себе на секунду человека, не читающего ничего, кроме литературного и общественного — политического журнала «Ломинг» — органа Союза писателей Эстонии. Как мало будет этот человек знать о важнейших событиях текущего года! В то время как вся страна обсуждала проблемы технического прогресса, журнал «Ломинг» не обмолвился о них ни единым словом. О лавратках Леннинской премии 1959 года в журнале не опубликовано ни строчки, а информация о присужде-

ния премии помещена мелким шрифтом где-то на задворках номера. Мало опубликовано материалов о решениях XXI съезда КПСС, о проблемах, поставленных съездом. Перечень вопросов, имеющих огромное значение для жизни советского народа и упущенных журналом, можно было бы продолжить. Однако он оказался слишком длинным для реплики. Положение с публицистикой в «Ломинге» за последнее вре-

мя явно оставляет, как говорится, желать лучшего. Очерк острая публицистическая статья — редкие гости на его страницах. Лишь по-прежнему аккуратно переходят из номера в номер слова на обложке: «... общественно-политический»... Может быть, публицистам «Ломинга» мешают жаркое лето — пора отпусков и канникул? Но и это вряд ли оправдание...

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛАТЬ СТИХИ ИЛИ ПОЭМЫ ПО АДРЕСУ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, МОСКВА, П. ВОЛКОВСКИЙ ПЕР., Д. 15

В ЦЕНТРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

НА ЭТИХ страницах отражено трагическое явление нашей эпохи. В дни процветания почти для всей нации некоторые люди в центре Соединенных Штатов страдают от жестоких лишений... За последние тридцать лет спрос на бурый уголь сократился вдвое из-за применения нефти и газа. А тот уголь, который необходим, может быть добыт при помощи автоматизации в пять раз меньшим числом рабочих...
Этот пишет американский буржуазный журнал «Лук», помещая в одном из последних номеров фоточерк о семье безработных шахтеров из штата Кентукки. Оставим на совести автора утверждение о «протестантах почти для всей нации». Напомним, что число одних лишь полностью безработных в США превышает четыре миллиона человек. Да, в условиях капитализма автоматизация, которую слагается журнал, — страшный бич. Но не в ней одной причина того, что люди годами не могут найти работу. Семья шахтера Хирама Шелтона, по словам журнала, типична для охвачен-

Рабочий-шахтер с десятилетнего возраста, Хирам Шелтон без работы больше года...

Здесь в дни какого-либо извращения по почте о работе два раза в день появляется Хирам Шелтон... Единственный, кто есть в избытке в Кеннети — это свободное время. Хирам и его друзья беседуют, сетуя на тяжелые времена...

ного массовой безработицей района Черных гор в штате Кентукки. Судьба этой семьи глубоко трагична, как и судьба миллионов других таких же людей.
В марте 1958 года Хирам Шелтон, шахтер из Кеннети (штат Кентукки), проработавший 25 лет на угольных работах «Исбодди Кол К», остался без работы. Он получил двадцатичетырехдневную пособие по безработице. «Без заработка, без пособий Шелтон в отчаянии ищет работу, но не знает, где найти ее», — пишет «Лук».

Президент Эйзенхауэр наложил вето на законопроект. По словам президента, средств на обширную программу жилищного строительства не хватает. «План ликвидации трущоб» отвергнут за ненадобностью. Все останется по-прежнему — пожары, крысы, затопленные подвалы.
И вскоре сенатская подкомиссия США по ассигновкам одобрила законопроект о затратах на военные нужды более 40 миллиардов долларов, но есть утверждения, что самый крупный военный бюджет за последние годы. Щедрой рукой отпущены средства на подготовку к войне.

Вот оно, объяснение. Американское правительство считает, что шумиха важнее, чем жилье для трудящихся. Гонка вооружений продолжается, а рабочий люду должен жить в трущобах, бед надежды на что-либо иное.
Нет, в жизни все выглядит по-иному, чем на американских рекламных картинках и выставочных стендах.

Омиали Шелтон — 39 лет. Ее приходится кормить семерых детей безработным за счет правительственных изъёмов продовольствия...
Снимки из американского журнала «Лук» от 7 июля 1958 года.

Снимки из американского журнала «Лук» от 7 июля 1958 года.

ТРЕВОГА РАВНИНА ЗОВЕТ

Жизнь так щедро и так неутомима: К исходу праздничного дня Всегда мне кажется — она проходила мимо
И, осуждая, смотрит на меня.
И все мне кажется: я пропускаю поезд,
Не я — другой в нем мчится налегке,
Пока я жду, колеблюсь, беспокоюсь,
Стучат колеса где-то вдалеке.
Мне времени опять ответить нечем: То не смогла я, что товарищ смею. Пока я отдыхла, он на плечи Взял мой скромный вещевой мешок.
Поднялся кто-то нынче очень рано, А я была в плену у снов своих. И где-нибудь, в пустыне океана, Родился мною не рожденный стих.
Жизнь, как твои неутомимы сроки! Нельзя ваш бег остановить, года... Я не могу не возражать в тревоге, Когда зовут в дорогу поезда.

Закрываю глаза: поле перед закатом, перелезла небо цветная дуга...
А в редакторской комнате тесновато, от окна до порога — четыре шага.
Как встретиться ей в комнате — этой бескрайней равнине? Скучный эпихирик, инквизиционный едкий дымок...
Бравую повесть провину на половине, я угрюмо смотрю в потолок.
Мой товарищ, редактор, тоже смотрит тоскливо, через строгие стекла очков...
О, сияние радуг! Раздохмаченный ветром хлеб! Как найти нам, товарищ, в душной комнате нашей те слова, что сердца зажигают, скажи?
Бродят эти слова по дымящимся парням, тонут в море бушующей ржи.
Закрываю глаза — и рабочие люди трактора поднимают в поход. А равнина сердая задремавшие будит и к себе на приволье зовет...
Но в редакторской комнате душно и тесно. Снова ищем слова, раздражены тая. И опять угасает за табачной завесой золотая равнина мая.

Перевела с болгарского Юлия ДРУНИНА

Трущобы остаются

ВИТРИНА американского образа жизни расцвечена самыми яркими красками. Новенькие дома, обставленные современной мебелью. Сверкающие белозной кафелем кухни. Современные бытовые приборы. Новые марки автомобилей. Все это широко рекламируется на экранах телевизора США, на стендах американских выставок, предназначенных для экспорта. Об этом говорится в реках государственных деятелей. Уроженца в реках океанов выне, черем в какой-либо другой стране, уезжая нас на все лады многоголосные пропагандистские центры, на содержание которых государственный департамент США затрачивает крупные суммы.
Но многим ли американцам доступно все это? Кто кроется за парадным фасадом, за парадными выставочными витринами? Об этом невольно задумываешься, читая журналы и газеты, издающиеся в США. Мы имеем в виду буржуазные издания, далекие от стремления бросить тень на американскую действительность. Если подлистать хотя бы реакционные нью-йоркские газеты, то даже там вы наткнетесь на рассказы, которые могут показаться советскому человеку неправдоподобными: «районы трущоб», «обитатели трущоб», «дома, грозящие обвалом». Вот что пишет газета «Амстердам ньюс», выходящая в Гарлеме — негритянском районе Нью-Йорка. Статуя озаглавлена «Крысы, царствующие в Гарлеме».
«Отвратительные, плотоядные крысы в прошлом году истребили на Манхэттене и главным образом в районе Гарлеме 442 человека. А поскольку власти города довольно сполно относятся к этой растущей угрозе, превлистит грызунов, вероятно, превысит прошлогоднюю цифру — 9 миллионов. В этом году уже десятки жителей Гарлеме стали жертвами зубов отвратительных грызунов. Крысами были укушены люди различных возрастов — от пятилетнего ребенка до 72-летнего старика. Вдох их пришлось госпитализировать... Одна из типичных жертв этих рышущих повсюду крыс, которые могут через несколько лет стать хозяевами города, если только в ближайшие решительные меры, — это Отис Моррис, которому сейчас около года. В первый раз крысы покусыли его 10 ноября прошлого года, когда мальчик лежал в кроватке. Он был укушен в указательный палец правой руки. 11 февраля ребенок, семья которого живет в доме № 2 на 118-й улице Западного района, снова был укушен крысами. Повидимому, крысы нашли, что квартира семьи Моррис — хорошее место для охоты. На этот раз ребенок был укушен в верхнюю губу».

Нет, это не средневековые и не дикне-новостные времена, а сегодняшний Нью-Йорк, город, где более миллиона человек живет в непригодных для жилья трущобах. Обвалы, пожары, затопленные подвалы, бездействующая канализация и водопровод, крысы, рышущие повсюду. Это будни бедноты, негритянского населения большого города. За жалкие подобия жилищ владельцы требуют большие деньги. Замесит мара города Нью-Йорк Поль Т. О'Киф ответил корреспонденту «Нью-Йорк уорлд» телеграмм энд Сан», что разрешить проблему трущоб, которые растут с огромной быстротой, очень трудно. Единственное, что надо было бы сделать, — строить побольше домов и сдавать их по плате, доступной для населения.
Увеличить жилищное строительство, сделать квартиру доступной... Нам, людям, живущим в мире социализма, эта проблема не кажется неразрешимой. Мы привыкли к тому, что плата за жилье не обременяет бюджет семьи. Мы привыкли к возникающим со снаковой быстротой новым кварталам, к целым вновь построенным городам. Куда бы вы ни поехали — на юго-запад Москвы, где несколько лет назад стояли еще маленькие деревен-

А. Б.

Людмила СТЕФАНОВА

И этот снимок, изображающий радостных, смеющихся детей по дороге в поле, напечатан на страницах «Дер штерн». Повидимому, публиковал его, Ролф Гильхаузен и Иоахим Хельдт были убедительно читали поворот им, что в Китае «дети становятся рабами». Так именно и написано по поводу совмещенных ученым детей с польским трудом.
Однако читатели гамбургского журнала не поверили утверждению господ Хельдта. Гильхаузен своим несоответствующим изображением на фото, ложно журналистов. Альф Барт из Мюнхена пишет об этом так: «Около тридцати лет назад я видел у нас в Китае картины голодающих китайских детей. Я снова вспоминаю о них, когда увидел ваши фотоснимки. Разница настолько разительна в положительную сторону, что сама за себя говорит о положении в настоящее время». А Гельдт и Гильхаузен, читатели из Энгинена, восклицает: «Да это ведь и лучше, воспитывать в детях любовь к труду, чем любовь к ношению оружия!»
Иными ли комментариями?

Татьяна ТЭСС

большее всего хочется поскорей забыть подпись под фото.
В Китае любят детей, это одна из черт народного характера. Здесь, как правило, большие семьи, и всякий, кто познакомится с их укладом, почувствует дружбу, взаимную заботу и огромное семейное трудолюбие. Старшие в семье ребята заботятся о младших. Вероятно, корреспонденты «Дер штерн» наблюдали это в Китае не раз. На улице любой взрослый, если это понадобится, позаботится о чужом ребенке, причем сделает это быстро и умело.
Мальчики в их пестрых курточках, чернотельные, с ярким румянцем, необычайно деятельные и любознательные, настолько привлекательны, что Гильхаузен все же не удержался и сфотографировал их. На снимке изображена улица, полная смеющихся ребят. И их улыбки, и доверчивый взгляд очевидного, обращены к тем, кто фотографировал. Я не сразу поняла, почему это произошло. Объяснение пришло несколько позже.
Но прежде, чем рассказать об этом, я хочу снова вернуться к репортажу.
Для соблюдения декорума «объективности» господин Хельдт сообщает и об успехах Китая. Он цитирует зубу: «Ценой беспримерных усилий в стране проводится индустриализация. В итоге десятилетнего господства коммунизма действительно могут похвастаться исключительными экономическими успехами. Без сомнения, поднялся и жизненный уровень».

Иронизируя, Хельдт рассказывает о борьбе за чистоту, которую ведут в Китае повсюду, но тут же признает, что «Китай стал чистым железнодрожные вокзалы сверкают, как излучины, улицы подметены. Исчезли эпидемии». С плохо скрываемым раздражением пишет он и о том, что в Китае нет больше воров, в гостинице оба журналиста оставили ключ в дверях, что не рисковали бы сделать в любом европейском отеле. «Новый режим сносит трущобы», — отмечает Хельдт. — Повсюду новостройки: новые фабрики, новые дома, новые улицы. Работы в красном Китае принимают гигантский размах».

Но едва журналист из «Дер штерн» сталкивается с отношением людей к труду, как теряет самообладание.
На каждом шагу Хельдт видит трудовой подвиг людей. И он не может понять его, придумывая любые объяснения этому подвигу, начиная с утверждения, что все дело в пропаганде, и кончая заявлением о принуждении, которое повсюду мерещится ему. «Гость» высмеивает само утверждение справедливости людей, их веру в будущее, создаваемое своими руками. Он не верит цифрам и планам, хотя видит вонючие доказательства. Он не верит стремлениям, хотя видит, как они осуществляются. И чем больше злится и высмеивает Хельдт, чем порочительней выглядит все во окружающей среде, тем яростней протестует между строк чувство, которое он прятает.
«Это чувство — страх».

Он боится страны труженников. «Может, это чудовище, разрастается, наступит и нас?» — истерически вскрикивает Хельдт. Его пугают трудовые подвиги китайского народа, его успехи, его воля к победе, способность к подвигу.
Кувство страха Хельдт не может скрыть. Ибо это страх человека из другого мира, еще раз воочию увидевшего силу страны социализма.
«Я хочу, наконец, закрыть страницы «Дер штерн», но тут попадаетесь мне на глаза еще один репортаж.
Иоахим Хельдт рассказывает о своем посещении детского сада. И снова раздражается по поводу того, что работающие матери передают заботу о ребятах в течение дня детскому саду. По тому Хельдт выходит на улицу, не забыв упомянуть, что над домами «ныне не поднимается дым очагов».

И здесь совершенно неожиданно детский сад выбегает вслед за своими гостями. «Двадцать, тридцать, пятьдесят маленьких крикунов, выпущенных индюками на улицу, бросаются к нам. В одну секунду мы окружены, взлет и плещ. Из полусотни гротв несетя крик: «Суланы, Суланы». Это значит: «Советский Союз, Советский Союз» — для китайских детей все белее — из Советского Союза».

Нарасно Хельдт и Гильхаузен отказывались и заверяли малышей, что они никак не русские, а немцы. Ребята смеялись, хлопали в ладоши и продолжали радостно кричать: «Русские! Советские!»
«Десятки рук протягиваются ко мне, дергают меня за рукава, — пишет далее Хельдт. — Двоим остачиливил. Взял за руки, и они гордо шествуют по переулку с буманным белым братом».
Да, даже самые маленькие дети в Китае знают, что советский человек это большой добрый брат. Они знают и силу этого брата, и теплоту его дружбы, и чистоту его сердца.
За этих больших добрых братьев они и приняли Хельдта и Гильхаузена. Вот почему дети почему-то протянули к Хельдту руки: вот почему они так радовались, когда Гильхаузен их фотографировал.
Ну что ж, в этом возрасте можно ошибаться.
Но мы — взрослые. И мы очень точно видим, кто такие эти господа, которые побывали в стране наших друзей.

И этот снимок, изображающий радостных, смеющихся детей по дороге в поле, напечатан на страницах «Дер штерн».

Как «Дер штерн» сам себя высекает

СОТРУДНИКИ западногерманского журнала «Дер штерн» — Иоахим Хельдт и Ролф Гильхаузен — совершили поездку по Китаю. Очерки Хельдта в сопровождении большого количества фотографий, сделанных Гильхаузенем, были опубликованы в ряде номеров журнала.
По случайному совпадению я была в Китае примерно в одно время с господами Хельдтом и Гильхаузенем. Но мое знакомство с ними состоялось уже в Москве — по материалам, напечатанным в журнале «Дер штерн».

Надо сказать, что журнал «подал» своих корреспондентов очень пышно. Больше, часто на целую страницу, фото, броско сверстанный текст, громадный красивый, рисованный заголовок... Хельдт и Гильхаузен были во многих городах и деревнях Китая, разговаривали с самыми разнообразными людьми — с рабочими, крестьянами, студентами, партийными работниками, детьми; они заходили на заводы, в театры и в буддийские храмы, в детский сад и в магазин, в дворы и в пустынные пекинские дворники. Они захотели посмотреть творимое, — им дали возможность осмотреть и строить и торговлю. Захотели узнать, как обстоит в Китае дело с частной собственностью, — и побывали в гостях у капиталиста, долго беседовали с ним. Даже из их репортажа можно понять, что приняла западногерманских гостей в Китае со всем возможным вниманием, охотно показывая все, что они хотели увидеть. Простые люди Китая в ответ на их вопросы рассказывали о своей жизни, стремлениях, планах.

Многие из мест, где были Хельдт и Гильхаузен, я знаю: некоторые люди, фотографии которых они поместили, узнаю в лицо: большинство событий, о которых они рассказывают, мне хорошо известно. Но я смотрю на эти снимки и текст к ним, — и мне кажется, что предо мной чудовищное кривое зеркало.
Возьмем без выбора первый пример.
В китайских городах существуют так называемые «уличные комитеты». По сути, это — первые общественные организации, объединяющие жителей данного дома, квартала. Каждые 30 (а иногда 50) семей, живущих в пределах квартала, сами выбирают своего председателя; из них и составляет уличный комитет.

В комитеты работают главным образом домашние хозяйки. Одна из первых задач комитетов — создание внутри квартала столовых и яслей. Они много и успешно занимаются также ликвидацией неграмотности, в особенности среди женщин; создают в кружки, привлекают для помощи цеховиков, привлекла как лектора с торжественно писанками ушла пожилую женщину носить перчатки, видела, как та своей орбувешней морщинистой рукой осторожно, точно цветок, держала кисточку с тушью; и видела лицо, смущенное и вместе с тем полное робкого торжества...
В работе уличных комитетов очень явно чувствуется до глубины души внимание друг к другу и взаимной заботы, которое становится сейчас в Китае одной из черт народного характера. Именно уличные комитеты Пекина предприняли создать так называемые центры обслуживания. В небольших комитатах дежурят члены комитета или активистки, к дежурным можно обратиться с просьбой присмотреть за детьми, вызвать врача к больному, написать письмо, посидеть дома с беспомощной старухой, достать билеты в театр, помочь в ремонте квартиры. Отсюда, из этого маленького центра, к людям приходят маленькие друзья, которые подержат в трудную минуту, подсобят, когда в этом есть нужда.

И вот что сообщают об уличных комитетах Хельдт и Гильхаузен на страницах журнала «Дер штерн»:
«Уличные комитеты»... вспомогательные органы полиции, продленная рука партии, действующая в сетях всех народ. 650 миллионов пленников. Самая маленькая единица называется

«Уличные комитеты»... вспомогательные органы полиции, продленная рука партии, действующая в сетях всех народ. 650 миллионов пленников. Самая маленькая единица называется

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

★ Американская газета «Нью-Йорк таймс» 23 июля поместила сообщение под следующим заголовком:
ЦЕНЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ПОДНЯЛИ ИНДЕКС НА РЕКОРДНУЮ ВЫСОТУ
Нью-Йоркский индекс, указывающий на цены за 1947—1949 годы, прыгнул за 100.
★ «Нью-Йорк таймс» 24 июля опубликовала такую заметку:
«Обеденные» Нацпарт. Нью-Йорк, 23 июля. Тридцать шесть латиноамериканских журналистов, находящихся сейчас в Нью-Йорке, были арестованы: «Не ходите в Центральный парк после наступления темноты — это может быть опасно».

Газета поясняет: один атташе при Организации Объединенных Наций был ограблен, другого удержали в парке; делегата из Венесуэлы Шабба ударили ножом, а помощника Обиль Дилал из французской миссии ранили.

★ «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

★ «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

★ «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

★ «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

★ «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Абдулла Шанк

В возрасте 78 лет скончался видный деятель азербайджанской литературы и культуры, поэт, прозаик, драматург, старший народный учитель республики Абдулла Шанк Тальб-заде.
Абдулла Шанк принадлежит к славному поколению писателей-демократов начала XX века, которые с радостью встретили установление Советской власти в Азербайджане и посвятили свое литературное творчество и общественную деятельность торговству новой жизни, воспитанию советского человека — борца и создателя.

Начав литературную деятельность в эпоху первой русской революции, А. Шанк создал ряд ставших классическими рассказов о тяжелой доле народа до революции, большое количество пьес для детей и юношества, роман «Араз» о борьбе трудящихся за победу Советской власти в Азербайджане.
А. Шанк перевел на родной язык произведения Шекспира («Макбет»), ряд произведений Крылова, Пушкина, Некрасова, Горького.
Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги А. Шанка в области просвещения и литературы, присвоив ему звание заслуженного деятеля искусств республики и наградив орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.
В наших сердцах всегда будет жить светлая память о верном сыне азербайджанского народа, о большом человеке с простой и чуждой душой.

Правление Союза писателей СССР Президиум Союза писателей Азербайджана

Хоца Намсараевич Намсараев

Скончался выдающийся бурятский советский писатель — один из зачинателей бурятской советской литературы — Хоца Намсараевич Намсараев. Пройдя суровую школу трудовой жизни в бурятских улусах, он принес в родную литературу горячее слово писателя-патриота и более сорока лет взволнованно воспевал людей труда, герою борьбы за Советскую власть. Широкую популярность завоевали его произведения, посвященные героическому и настоящему родной Бурятии, особенно роман-эпопея «На урений зарез». Писатель горячо откликнулся своим боевым словом на все важнейшие события в жизни нашей страны. Мужественно звучал его голос в годы Великой Отече-

ственной войны. За многолетнюю творческую деятельность Х. Н. Намсараев был удостоен высоких правительственных наград — орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Большой мастер слова, он вел неутомимую общественную и государственную деятельность, являясь свыше десяти лет депутатом Верховного Совета СССР.
Память о писателе-коммунисте Х. Н. Намсараеве надолго останется в наших сердцах.
Правление Союза писателей СССР Правление Союза писателей РСФСР Правление Союза писателей Бурятской АССР

Главный редактор С. С. СМОРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.